

1998-1997-16 сек.-с.7.

Лена Довлатова спрашивает двенадцатилетнего сына Колю о делах в школе, угощает меня душистым фруктовым чаем, ласково покрикивает на ретивого песика Яшу, проявляющего чрезмерно бурные эмоции по поводу моего прихода. Мы сидим в разделенной книжными шкафами гостиной и просматриваем компьютерный набор моей будущей книги, только что законченный Леной. (Вдова знаменитого писателя зарабатывает на жизнь макетированием книг.) Потрудились она на славу — с таким дотошным заказчиком, как я, работать было непросто.

Здесь, в небольшой квартире на улице 63-я Драйв в Форест Хилсе (один из районов Большого Нью-Йорка) некогда жил и Сергей Довлатов. На стенах и в приоткрытых к корешкам книг стеклянных рамках — вырезки из "Нью-Йорк таймс", фотографии Бродского, письма от Курта Воннегута... Обстановка квартиры не изменилась со дня смерти писателя, имя которого стремительно обрастает комом легенд, большей частью совершенно нелепых.

Наверное, благодаря моим вопросам, наши беседы с Леной неизменно возвращаются на "круги своя" — к воспоминаниям о Сергее. Слишком тесно переплелись в моем сознании Довлатов и третья волна российской эмиграции. Русский Нью-Йорк конца 70 — 80-х годов трудно представить без этого черноволосого великана с природным чувством юмора.

Мои "пересечения" с С.Д. носили, скорее, эпизодический характер. Происходили они в основном на литературных вечерах и встречах с читателями. В разрозненных воспоминаниях выделяются две встречи. Первая — в февралемарте 1978 года, когда только что прибывший в Нью-Йорк неизвестный прозаик покорила аудиторию вулканобразным каскадом историй, шуток и каламбуров. Думаю, что тот памятный вечер был началом заокеанского успеха Сергея.

Моя последняя встреча с ним произошла в мае 1988 года в Нью-Йорке во время выступления поэта Евгения Рейна. Несколько погрузневшему и поседевшему Довлатову по-прежнему не изменяло его удивительное обаяние. Предчувствовал ли он свой приближающийся конец?..

Можно перечислить ряд объективных причин довлатовского восхождения на Эверест писательской известности, но, на мой взгляд, ни одна из них не перевесит значимости присутствия в его жизни Лены. Это отнюдь не повторение дежурных сентенций о роли подруги жизни... Елена Довлатова скромно оценивает свою роль в судьбе Сергея, иногда об-

да открытого для друзей, общения, безумной авантюры. Оказалось, что перечисленные мной свойства характера в известной мере были только фасадом сложной и противоречивой натуры Сергея. Лена показывает мне увесистую тетрадь в прочном дорожном переплете, в которой ее по-

бытий уверенно приобретало весьма неприглядные формы. С большим трудом Лене и протрезвавшему компаньону Довлатова удалось урезонить Сережу.

Я не могу удержаться от стандартного вопроса и спрашиваю Лену о попытках вмешаться в трагический роман Сергея с зеленым змием. "У вас какие-то вопросы непрофессиональные," — грустно шутит она... Это был клинический алкоголизм. Безобидная рюмка водки перед обедом становилась началом геометрически-прогрессирующей болезни, завершавшей сравнительно счастливые полосы воздержания.

Бесконечно страшны были периоды выхода из алкогольных пиков, когда смертельно бледный Сергей мог сутками не подниматься с постели. Несколько раз в день Лена подносила ему стопку разведенной водкой —

АМЕРИКАНСКАЯ САГА СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА

В гостях у вдовы известного писателя

койный муж истово регистрировал все текущие дела от оплаты счетов за электричество до отправки рукописей в редакции. Жизнь была распланирована по часам. От этих страниц и за версту не веет романтической неорганизованностью. Слухи о шумных изменах и пресловутой запойной бесшабашности Довлатова также требуют существенных корректировок. Это был человек, безраздельно привязанный к дому, любивший провести время с детьми или поболтать о чем-нибудь с матерью — Норой Сергеевной. В моменты прихода гостей Сергей был неизменно весел и гостеприимен и в то же время, вспоминает Лена, подсознательно ждал их ухода для того, чтобы остаться наедине со своими настроениями и мыслями — со своей работой.

Идиллии тихих домашних вечеров продолжались до очередного скака в водоворот затяжно-

дозы снижались постепенно. Как это обычно бывает, в эти дни куда-то исчезали друзья и знакомые. Рядом была только Лена...

...К концу перестройки давно принятая эмигрантским читателем проза Довлатова стала широко известна и в России. Пришедшая популярность открывала перед писателем возможность зарабатывать на жизнь исключительно литературным трудом. Сергей Донатович достиг того, к чему стремится большинство литераторов: читательского признания, уважения российских и зарубежных коллег, относительной финансовой независимости. Неправильное случилось тогда, когда на полотне жизни начали проступать мажорные тона.

Когда я думаю о последних днях Довлатова, то провожу невольные параллели с Есениным и Высоцким. Конечно, это были разные люди, разные художники, и жили они в разное время. Но

Редакция "Нового американца" (1980 г.)
слева направо: Б.Меттер, Л.Федорова, С.Довлатов, Е.Довлатова.

разно называя себя "боевой пчелкой". Но я бы хотел отметить несколько качеств Лены, которые довольно редко уживаются в одном человеке: надежность, интеллект, доброта, твердость... Во время нашей совместной работы над книгой также убедился в подлинной "литературности" и художественном вкусе этой по-петербургски галантной женщины, в ее способности "расщепить" сложный поэтический текст, увидеть в нем полноту, которые открываются лишь внимательному профессионалу.

Я говорю Лене о довлатовском имидже литературного рубаха-парня, богемно-безответственного и забудливо-веселого, всег-

да запоя. Тогда Сергей становился неуправляемым. Случалось, что он днями не возвращался домой, проводя время с людьми весьма сомнительными. Избирательность притуплялась с каждой новой рюмкой...

Бывали разные ситуации. Наш общий знакомый — молодой нью-йоркский литератор Т. однажды сидел на довлатовской кухне и обсуждал с Леной макет своей книги, когда в квартиру ввалился изрядно выпивший хозяин дома. Его сопровождал ленинградский приятель Довлатовых, гостивший тогда в Нью-Йорке. Нетвердо стоявший на ногах Сергей твердо решил, что Т. — давний любовник Лены. Дальнейшее развитие со-

была в этих судьбах некая трагическая общность. Если бы ее не было, то, возможно, Лена не осталась бы вдовой, Коля и Катя Довлатовы не лишились бы отца, а Нора Сергеевна — сына. Возможно также и другое: на свет не появились бы "Чемодан", "Компромисс", "Зона" и другие книги Сергея Довлатова, ставшие одной из граней русской прозы конца XX столетия. Как знать?.. На этот вечный вопрос не могут ответить ни я, ни Елена Довлатова, ни уже появившиеся на этой земле довлатоведы, ни боги, курирующие странную галактику мирового искусства.

Сергей ШАБАЛИН.
Нью-Йорк — Москва.